

ВАЛЕНТИН ТАРАСЕНКО,

*доктор социологических наук, заведующий
кафедрой истории и теории социологии Ки-
евского национального университета им.
Тараса Шевченко*

Удивительная “ненаука” социология

Abstract

Special features of sociology as an intellectual subject, which combines characteristics of a social science, ideology and technology are analyzed in the article.

I

Что такое социология? Казалось бы, после стольких дискуссий о предмете социологии и самой социологии как научной дисциплине этот вопрос должен был уже окончательно проясниться и отпасть. Увы, он актуализируется и даже обостряется по мере развития и усложнения социологии, расширения ее предметной области и научного поля, плюрализации, возрастания уровня самосознания и самопознания, а также развертывания внутридисциплинарной критики.

Об актуальности этого вопроса не так давно (1989) напомнил Р.Коллинз, отметив, что в последние годы концепция социологии как науки подвергается нападкам. Вопрос ставится ребром через дизъюнкцию: социология — наука или антинаука (ненаука)? Сам Коллинз отстаивает позицию признания социологии наукой, выдвигая в качестве ее интеллектуального оправдания особый критерий научности — способность социологии не только заниматься различными видами научной деятельности, но и, что важнее всего, формулировать обобщенные принципы объяснения социального мира. Он недвусмысленно заявил: “...главный род деятельности, который дает социологии интеллектуальное оправдание, — *это формулировка общих объяснительных принципов, организованных в модели глубинных процессов, порождающих социальный мир*. Именно эти процессы определяют, каким образом конкретные условия порождают конкретные результаты. Эти обобщенные способы объяснения и составляют науку” [1, с. 246].

Не будем пока высказываться по поводу того, является ли достаточным выдвинутый Коллинзом критерий научности социологии. Но, по-видимому, мало кто из современных социологов не станет солидаризироваться с его позицией, ведь ответ “социология есть наука” оправдывает не только существование этой дисциплины, но и самого социолога как специалиста-интеллектуала, его исследовательскую деятельность и продуцируемые им знания. Причем сам социолог, как правило, глубоко убежден, во многом даже без доказательства, что он вырабатывает не наукоподобное, а именно полноценное научное знание, что он самозабвенно служит истине (спросить бы — какой именно?), опирается на факты и достоверную информацию о них и т.д., и т.п.

Однако возникает сомнение как в однозначно оправдательной позиции “убежденного социолога”, так и в дизъюнктивно разделительной постановке вопроса: социология — наука или ненаука? А что, если социология есть и то, и то вместе, и в свете этого признания необходимо кардинально менять ее нынешнюю концепцию (по сути, позитивистского толка)? К тому же, почему мы не можем допустить, что единство этих, казалось бы, взаимоисключающих противоположностей в атрибутивных характеристиках социологии обусловлено именно спецификой социального познания, одной из профессиональных форм которого выступает социология?

Конечно, нападки на социологию не случайны. Отчасти она сама их провоцирует своей системной расплывчатостью, незавершенностью, многокачественностью и многоуровневостью, низкой точностью знания, допускающими большие погрешности методами и пр. Все это на данный момент не может не вызывать нелестных оценок социологии, различных подозрений, толкований о ее научной неполноценности не только в среде специалистов других наук, но и среди социологов. Скажем, такой среди них авторитет, как Э.Гидденс, назвал ее “самой опасной, дерзкой и провокационной из общественных наук”, добавив, что она “спорна по природе своей” [2, с. 5].

В то же время попытки опровергнуть или отрицать социологию, скорее всего, являются знаками эпохи постмодернизма, требующей новой идентификации и систематизации социологии. Исчерпала ли она себя в обличье классических способов социального мышления (диалектического, позитивистского, антипозитивистского, функционалистского и др.), вырождается или же переходит в новую форму, новое качество? Что представляет собой современный постмодернистский плюрализм и эклектизм в социологии — ее высшее достижение в отображении многокачественного и многоярусного социального мира или же выражение интеллектуального шизофренизма, мозаичного образа мышления западного общества, доведшего социальный и гносеологический индивидуализм “частичного социолога” как участника свободного дискурса до крайней точки, после которой социология должна рассыпаться на части?

Несомненно, плюрализм и эклектизм в социологии указывают на ее внешнюю разорванность, разобщенность. Но только ли внешнюю? Если социология и внутренне разобщена, а теоретики не найдут способов ее объединения в русле интегрирующего типа методологического мышления, то тогда можно считать, что час социологии пробил. Она должна либо трансформироваться в нечто принципиально новое, способное сквозь призму плюрализма и эклектики выражать фундаментальную целостность, органическое единство социального универсума (а заодно породить и новый тип социоло-

га), либо прекратить свое существование, воплотившись в самодостаточные научные дисциплины, которые не будут ощущать потребность в общесоциологической методологии, выйдут за пределы ее действия и станут самостоятельными. Третье вряд ли дано, хотя, правда, можно предположительно еще ставить вопрос о том, сумеет ли социология после подобной катастрофической метаморфозы возродиться и воссоздаться вновь.

Как представляется, для того, чтобы признать правомерность конъюнкции “социология есть наука и ненаука”, нужно обеспечить, по крайней мере, такие исходные моменты: преодолеть стереотип “убежденного социолога”, обычно позитивистски мыслящего; обосновать концептуально целостный взгляд на социологию, охватывающий ее историю, нынешнее состояние и строение; дать анализ особенностей процесса социального познания и социологического мышления, определяющих единство противоречивых атрибутивных свойств социологии.

Конечно, “убежденный социолог”, безоговорочно признающий научную достоверность социологии, опирается на давнюю классическую традицию ее обоснования (по предмету и методу), но не смотрит ли он на социологию, ее научный “портрет”, достижения и возможности все же ограниченно, односторонне, нецелостно, недиалектично? Что же касается обобщенно целостного, всеохватывающего взгляда на социологию, то его в социологии пока нет, но он возможен. Разумеется, не в виде какой-то метанаррации (Ж.-Ф.Лиотар) или гигантских синтетических построений, превосходящих, например, хабермасовские интегративные концепции или многомерный неосинтез Дж.Александера (для такого рода глобалистской организации социологических знаний нет стратегических идей соответствующего объема), а на основе целостной трактовки многообразного процесса социального познания (социологического мультипарадигматизма, плюрализма, эклектизма) как единства классического, неклассического и постнеклассического типов рационализма, которые покоятся на определенном интеллектуальном фундаменте и благодаря которым социология актуально содержит в себе исследовательский опыт прошлого и настоящего, переосмысливает его, развивает и совершенствует. Наконец, благодаря этим же типам рационализма социология, с одной стороны, не может считаться подделкой под науку, а с другой — не может не иметь в себе компонентов, традиционно не относящихся к науке, то есть быть ненаукой.

Исследователь науки и методолог В.Степин отметил: “Классический тип рациональности центрирует внимание только на объекте и выносит за скобки все, что относится к субъекту и средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности; экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Наконец, постнеклассическая рациональность учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности.

Каждый тип рациональности обеспечивает преимущественное освоение объектов определенной системной организации: малых систем, больших систем, саморазвивающихся систем. Он является условием получения истинных знаний об этих объектах” [3, с. 18].

Если эти типы рациональности экстраполировать на социальное познание, то все они вместе предполагают отнесение его к фактам (объекту), сред-

ствам познания (методологиям, методам, технологиям), субъекту (его деятельности и социальной позиции, ценностям и целям, наконец, к субъективной точке зрения). Все это обуславливает получение гносеологически разнокачественного, разнотипного знания; один тип знания отвечает классическим стандартам науки в большей мере, другой — в меньшей мере, а третий — совсем не отвечает. Иначе говоря, социология, осуществляя социальное познание, продуцирует не только научные, но и наукоподобные и даже ненаучные знания (типа фантазий, мифологий, утопий и т.д.), а также заблуждения. Однако социологи, как правило, отвлекаются от этой стороны социологии, не замечают ее, редко анализируют продукты социологического творчества с точки зрения наличия в них заблуждений, идеологий, мифологий, утопий. А в среде позитивистски ориентированных социальных исследователей, особенно нацеленных на объективистский эмпиризм, наблюдается даже боязнь столкнуться с наукоподобным (например, идеологическим) знанием в социологии, которое они считают абсолютно ненаучным.

Между тем в социологии не совпадают ее идеальный (классическая наука) и реальный статусы как науки. Кроме того, не совпадают две версии социологии — как научной и как образовательной дисциплины, что вносит дополнительную путаницу в понимание объекта и предмета социологии как науки, а вследствие этого — ее научного статуса. Образовательная “ипостась” социологии чрезмерно идеализирует его, “подкрашивает”, подгоняет под образ классической науки и в таком виде непосредственно проектирует на социологию как научную дисциплину. Однако идеальный статус для социологии остается недостижимым, хотя она в качестве науки стремится максимально приблизиться к нему. Реальный же научный статус постоянно колеблется в режиме повышения–снижения в зависимости от степени приближения исследований к объективной истине, от уровня профессионализма социологов, который тоже непостоянен, а также от соотношения таких атрибутивных характеристик социологии, как научность и ненаучность.

Итак, социология как единство науки и ненауки еще в полной мере не осознана. Кажется, можно констатировать, что в сознании большинства социологов доминирует незыблемое убеждение в ее безусловной, исчерпывающей всю ее целостность научности, опирающееся, прежде всего, на классику, создавшую социологию как научную и образовательную дисциплину. Представление о том, что социология есть новая социальная наука, возникло еще в те времена, когда она, формируясь, выходила из лона философии, а ее учредителям приходилось обосновывать атрибутивные свойства новой науки. Главным доказательством было указание на то, что появившаяся дисциплина приобретает свой предмет и общетеоретический метод. Например, Э.Дюркгейм, который дал яркий образец обоснования предмета социологии и разработки ее метода, отметил в 1897 году, что социология *настолько успешно* заявила о себе, что возникла своеобразная мода на эту науку. Правда, он, наверное, видел и некоторую преждевременность, а также искусственность такой моды, поскольку уточнял: “Социология находит себе все новых и новых сторонников, и в публике слагается какое-то предвзято благосклонное отношение к этой новой науке, на которую возлагаются самые большие надежды. Нельзя, однако, не признать, что полученные до сих пор результаты не вполне оправдывают ни большого количества опубликованных по этому вопросу трудов, ни затраченного на них интереса читателей” [4, с. 3].

Разумеется, на этапе возникновения, формирования и становления для социологии было главным обнаружить в объекте (социальной реальности) признаки своей предметной области и наличие в ней элементов собственно-го предмета исследований, а также заявить об их демаркации перед научным сообществом, охватывающим другие исследовательские дисциплины. Именно это и делали классики. Однако не все они соглашались с мыслью о том, что социология получила свой предмет, изолированный от предметов всех иных общественных наук, тем самым способом, что и эти науки, — прямой сегментацией, а также обозначением и наименованием определенной исследуемой грани общества. Например, Г.Зиммель несколько выпадал из этой традиции. Он считал, что социология опоздала с выбором своего предмета на основе единого для общественных наук объекта, так как последний давно уже разобран ими и ей приходится проникать в чужие предметы, изучать в них то, что не изучают “застолбившие” их науки. Отсюда вытекало представление Зиммеля о социологии, прежде всего, не как о науке, а как о методе, который создает для нее предмет, благодаря чему она приобретает недостающие ей свойства науки и становится наукой.

Следовательно, по Зиммелю, только в качестве метода социология добыла себе свой предмет, окончательно оформившись как наука, то есть и в его концепции социологии она все-таки наука. Но с Зиммелем связан один примечательный факт, перевернувший первоначальные (позитивистские, натуралистические, психоредукционистские и др.) представления о социологии. Дело в том, что, по-видимому, именно в его голове родилась мысль о том, что новая наука должна не только изучать, знать свой предмет, но и, что является главным, понимать его, ибо он один из первых сознательно вводил в социологию проблему понимания, превращая ее в понимающую науку. Это было сначала во многом еще дильтеевское понимание понимания (“познать социальный факт изнутри”, прочувствовать его), но оно заставляло видеть у социологии еще одно ранее не фиксируемое неотъемлемое свойство — способность при изучении социальных процессов и явлений понимать их и их создателя.

Теперь “непонимающая” социология если и не уходила на второй план, то все равно вынуждена была несколько посторониться, поскольку в противовес ей начала развиваться понимающая (интерпретативная) ветвь социологии. Она видела социальный мир сквозь призму понимающих интерпретаций и объяснений его смысловой, а затем и субъективной стороны.

У Вильгельма Дильтея и сначала у Зиммеля понимание было возможным только в случае совпадения реакций, ощущений, мыслей деятеля и интерпретатора. Это означало, что, по данному правилу, социолог Павел (интерпретатор) мог понять человека Петра, страдающего, скажем, от неразделенной любви, если он сам страдал или страдает от такой же несчастной любви. Следовательно, здесь важен личный опыт интерпретатора. Понятно, что подобный способ познания и понимания весьма случаен и ограничен, но Зиммель развивал свое понимание понимания как нового метода в социологии. Он пришел к обоснованию той степени его применения в познании, когда этот метод позволял даже никогда не любившему Павлу понимать поведение страдающего Петра. Для этого Павел должен был научиться открывать смысл действий Петра, заключающийся в их обязательной связи с потребностями, интересами, переживаниями последнего. Но на каком основа-

нии возможно расшифрование этого смысла? Совсем не на базе истины, а на основе общепринятых ценностей.

Так Зиммель вводил в социологию совершенно новый и особый метод познания, а вместе с ним и ценностный компонент, благодаря чему она, с одной стороны, отдалялась от идеала классической науки, а с другой — поднималась на более высокую исследовательскую ступень, поскольку получала возможность значительно глубже проникать в социальную реальность. Социология, теперь уже понимающая, соединила разобщенные позитивизмом истину и ценность, поскольку оказалось, что в социальном познании вообще и в социологическом в частности истины, которая является едва ли не Богом в классической науке и позитивизме, недостаточно для полноты отображения социальных реалий. Коль исследование их должно быть еще и понимающим, то базой этого понимания становятся ценности, а на их основе — культура и идеология.

Хотя Зиммель, по-видимому, хорошо понял, что понимающий метод требует отнесения знания к ценностям, все же не он сформулировал принципы отнесения к ценностям и свободы от оценок, а М. Вебер, который увидел, что этот метод предполагает совершенно иную теорию познания и ставит глубокие методологические проблемы, вытекающие, с одной стороны, из ограниченности позитивистской версии социологического познания, а с другой — из принципиально новых познавательных возможностей понимающей социологии. Это, в частности, проблемы объективного-субъективного, истинности-ценности, истинности-общезначимости, ценности — общезначимости, соотношения “нейтральных” (опытных) и оценочных знаний, подтверждения и опровержения интерпретаций и др. Главной среди них Вебер считал проблему общезначимости, решаемую путем методологического анализа логики образования типологизирующих понятий (“идеальных типов”).

Если, по Дильтею, понимать социальную реальность можно только через совпадение психических процессов, протекающих в деятеле и интерпретаторе (метод вчувствования), то как, спрашивал Вебер, возможно общезначимое ее понимание, то есть не только деятелем и интерпретатором, но и другими? Дильтеевский сплошной психологизм не предполагает такой возможности. Она появляется благодаря формированию в социологии как науке о духе понятий, способных отображать интуитивно схваченное психическое и переводить знания о нем на язык объективности и общезначимости. Для этого сами понятия должны характеризоваться объективной содержательностью и общезначимостью.

До возникновения понимающего метода свою характеристику понятий давал позитивизм, основывая теорию познания на принципе отнесения знания к фактам, что обеспечивает объективную содержательность и истинность знания. Истина — это соответствие знания фактам, выступающим элементами объективной реальности. Отраженные в истинном знании факты составляют его объективное содержание. Одновременно истинное знание является и общезначимым, поскольку объективная истина как соответствие знания реальности возводит его на уровень общего знания. Для всех истинное знание одинаково значимо — оно дает правдивый образ мира. Следовательно, в позитивистском познании проблема общезначимости отдельно не стоит, она внутренне снята проблемой объективной истинности знания.

Кроме того, позитивизм, придерживаясь гносеологического идеала научности естествознания, много внимания уделяет проблеме правильности знания, его эталонных форм и параметров. Он отстаивает классический образец научности, регулирующий познание, ориентирующий его на истину и обеспечивающий выполнение задачи определения тех или иных познавательных феноменов с точки зрения научности. В развитой форме этот образец предусматривает такой минимум универсальных признаков научности знания: истинность, проблемность (фиксирование проблемной ситуации, в которой отражено нечто неизвестное), предметность (отнесение к определенной предметной области, соответствие ей), обоснованность (опора на аргументы, доказанность), системность (логическая организованность, упорядоченность, связанность, внутренняя непротиворечивость), интерсубъективная проверяемость (открытость для критической проверки любым субъектом, обладающим соответствующими научными методами диагностики знания) [5, с. 26–36].

Как можно видеть, в свете этого минимума предложенный Коллинзом “главный” критерий научности социологии совершенно недостаточен, в нем не хватает многого, чтобы оценивать ее принадлежность к наукам. Да, социология может разрабатывать и разрабатывает общие принципы объяснения социального мира. Но сами по себе эти принципы объяснения не гарантируют адекватности (истинности) объяснения, а главное — понимания. Кроме того, общие, даже мировоззренческие, принципы объяснения формулируют, например, социальная философия, религия, идеология, поэтому прерогатива разработки общих принципов объяснения наукам, в том числе социологии, не принадлежит. Но если все же и говорить о социологии, то, по-видимому, следует подчеркнуть ее способность вырабатывать особые гносеологические принципы, соединяющие воедино знание и понимание, истинность и ценностность, объективность и субъективность в познании.

Следует заметить еще и то, что социология, строго говоря, не дотягивает до уровня классического идеала научности и в ракурсе ряда требований данного ограниченного минимума, например, доказанности знания (по причине его преимущественно вероятностного характера), интерсубъективной проверяемости (невозможность в точности повторить социальный эксперимент или эмпирическое социологическое исследование), системности (отдельные структуры социологических знаний организованы, упорядочены, но сама социология не является системой знаний, это скорее их конгломерат) и т.д. Действительно, с какой стати социологию следует называть наукой, если она системно не организована как наука? В силу всего этого социология производит не столько научные, сколько наукоподобные знания, но социологи манифестируют их перед научным сообществом и обществом в целом как научные, делая упор на технологически организованные способы их получения, а также логические закономерности организации и выступая, пожалуй, первыми фальсификаторами социальной реальности и знаний о ней.

Ясно, что в характеристике “ненаучности” социологии и в “странном” манифестационном поведении социологов сказываются глубинные факторы — объективно-субъективная природа социальной реальности и особая специфика процесса социального познания, которое включает в себе не только научные, но и вненаучные подходы, средства (идеологические, художественные и пр.), непосредственно влияют на социологов, которые, к со-

жалению, недостаточно исследуют связь социологии с целостным и противоречивым процессом социального познания, однако так или иначе транслируют через себя его воздействие на социологию.

С высоты принципа понимания Вебер видел, что позитивист, исследуя социальный мир, конечно, знает его, но не понимает, особенно с субъективно-ценностной стороны. Она для него не то что скрыта принципом отнесения знания к объективным фактам — нет, он просто уходит, абстрагируется от нее как исследователь, ориентирующийся на объективность и истинность в классическом их понимании и не принимающий во внимание то, что в социологии эти две существенные характеристики научного знания в полной мере не достигимы, точнее, они достигаются только в ситуации фиксирования простейших связей. Всем этим особенностям позитивистского (“непонимающего”) социологического познания Вебер и противопоставил методологию понимающей социологии, простроенную на принципах отнесения знания к ценностям и свободы от субъективных оценок. Эта методология предусматривает формирование несколько иного (неклассического) идеала научности, основанного на общезначимости, соединяющей истину и ценность. Она, конечно, не уходит от тех самых проблем объективности и истинности, только рассматривает их через призму общезначимого понимания ценности.

При этом Вебер исходил из необходимости выяснить существо двух вопросов: 1. В чем состоит смысл познания в науках о духе и культуре? 2. В каком случае вообще возможны объективно значимые истины в этих науках? Его ответ на первый вопрос гласил: смысл познания в науках о культуре заключается в достижении объективно значимых выводов, то есть истины. Такая “объективная” истина (Вебер неизменно заключал слово “объективная” в кавычки, поскольку, по его мнению, не существует совершенно объективного анализа культурной жизни, а потому и совершенно объективной научной истины) возможна только в одном случае — отнесения выводов к общезначимым ценностям, вследствие чего они превращаются в “объективные” (общезначимые) оценочные суждения (знания). Это — ответ на второй вопрос.

Таким образом, именно через акт отнесения знания к общезначимым ценностям оно становится оценочным, общезначимым и потому содержащим особую “объективную” истину. Вебер определил ее так: “Научная истина есть именно то, что *хочет* быть значимым для всех, кто стремится к истине” [6, с. 183].

Но здесь требуются пояснения. Во-первых, это не та объективная истина, которая добывается с помощью принципа отнесения знания к фактам, то есть опытным путем, и не содержит ни “капли” оценочного знания. Та истина нейтральна по отношению как к ценностям, даже общезначимым, так и к субъективным пристрастиям познающего субъекта. Из нее максимально элиминирована субъективность. Из истины же “объективной” субъективность не уходит. Во-вторых, “объективная” истина — совсем другая истина и в том отношении, что она изначально основана на субъектных предпосылках (отнесение знания к субъекту как носителю общезначимых, а потому “объективных” ценностей — это, в конечном итоге, по Веберу, “интерес эпохи”). В-третьих, это всецело интерпретативная истина, но свободная от эмоциональных включений от субъекта познания как частного лица. В лекции “Наука как призвание и профессия” Вебер строго подчеркивал независимость научного познания (как и преподавания) именно от такого рода субъективных оценок. Нако-

нец, в-четвертых, “объективная” истина, как можно думать, — это идеальный ценностный тип как инструмент распознавания, идентификации, оценивания и изучения социальной реальности (тут следует заметить, что Вебер все-таки не дал однозначного объяснения, что, собственно, есть идеальный тип, связывая с ним много различных характеристик).

Следовательно, принцип свободы от оценок, дополняющий принцип отнесения к ценностям, не освобождает социологию от производства оценок, оценочного знания. Он освобождает ее только от субъективных оценок исследователя на основе его личных пристрастий. Однако его нередко трактуют именно в духе полного, абсолютного освобождения социологии от оценок, порождая у социологов позитивистского толка страх перед оценками.

Оценочное знание в социологии так же правомерно, как и “нейтральное”, опытное (эмпирически добытое) знание, отнесенное к фактам. Научное социологическое оценивание можно осуществлять на базе как истины, так и ценностей, поэтому в социологии возможны, по крайней мере, два вида оценок — истинностная и ценностная (общезначимая). Первая есть суждение о социальных процессах и явлениях, их состоянии, структуре и т.п., основанное на объективных фактах, достоверных сведениях об этих фактах. Вторая заключает в себе суждения о тех же процессах и явлениях с точки зрения их значимости, оцененной на базе общезначимых (и тоже достоверных) ценностей. Обе оценки могут как предполагать, так и не предполагать проведение специального исследования объекта оценивания. Они функционируют по принципу наложения на реальность идеального типа: в первом случае истинностного, во втором — ценностного.

Вместе с тем оценки — простейший род знания, не требующий специальной организации в теории, концепции, хотя и подлежащий опытной и другой проверке. Они содержат в себе выводы о предполагаемом состоянии или значимости социальных процессов и явлений в терминах определенных норм, нормативов, квалификационных характеристик, матриц значений и т.п.

Таким образом, реализация принципов отнесения знания к фактам и отнесения знания к ценностям приводит к необходимости различать два вида истины в социологии: одна (научная) отражает объект через факты, другая (научоподобная) — через ценности. Первая говорит о том, каким есть объект “сам по себе”, вторая — что он значит в системе человеческого мира.

И еще одна деталь: наличие сегодня в социальном познании принципа отнесения знания к ценностям доказывает, что понимающая социология не является только “социологией М.Вебера”, что она не осталась в прошлом, а пришла и в современность, равноправно функционируя наряду с другими моделями социологической науки. Совместно с ними она поддерживает ее внутреннюю целостность и связность. Однако, к сожалению, понимающую социологию пока значительно реже, чем, например, позитивистскую, используют в исследовательской практике.

Растолковав, что такое “объективная” истина в понимающей науке и при каких условиях она возможна, Вебер глубоко и резко заключил: “Из сказанного следует, что “объективное” исследование явлений культуры, идеальная цель которого состоит в сведении эмпирических связей к “законам”, бессмысленно. И совсем *не* потому, что, как часто приходится слышать, культурные или духовные процессы “объективно” протекают в менее строгом соответ-

вии законам, а по совершенно иным причинам. Во-первых, знание социальных законов не есть знание социальной действительности; оно является лишь одним из целого ряда вспомогательных средств, необходимых нашему мышлению для этой цели. Во-вторых, познание культурных процессов возможно только в том случае, если оно исходит из *значения*, которое для нас всегда имеет действительность жизни, индивидуально структурированная в определенных *единичных связях*. В каком смысле и в *каких* связях обнаруживается такая значимость, нам не может открыть ни один закон, ибо это решается в зависимости от *ценностных идей*, под углом зрения которых мы в каждом отдельном случае рассматриваем “культуру” [6, с. 179–180].

В другом месте той самой работы читаем: “Верно, что мировоззрения различных людей постоянно вторгаются в сферу наших наук, даже в нашу научную аргументацию, внося в нее туман неопределенности, что вследствие этого по-разному оценивается убедительность научных доводов (даже там, где речь идет об установлении простых каузальных связей между фактами) в зависимости от того, как результаты исследования влияют на шансы реализовать свои идеалы, то есть увеличивается ли или уменьшается в таком случае возможность осуществить определенные желания” [6, с. 151–152].

Что же, таким образом, получается, если взять во внимание акцентирование Вебером особой роли ценностных идей в процессе изучения и понимания духовно-культурной стороны социальной реальности? На наш взгляд, получается удивительный образ социологии как науки о культуре и духе: в ее основании лежат ценностные идеи, идеалы, то есть идеология, и она сама же подобную идеологию и производит. Так что, понимающая социология — идеологическая наука? Разумеется, да, а понимающий социолог — далеко не “нейтральный” исследователь, он исследователь-идеолог. Причем этот тип социолога волен придерживаться самых разных идей и идеалов, но, конечно, не своих субъективных, а именно общезначимых. Последних в социологии немало, поскольку процесс социального познания зиждется на такого же рода идеях и осуществляется в их русле. Скажем, католическая социология во Франции покоится на религиозной идее, марксистскую социологию пронизывают социалистическая и коммунистическая идеи (в целом — идея социальной справедливости), американскую — идеи прагматизма и либерализма. Они “видны” и в концепциях “мелиоризма” Л.Уорда, и в построениях символического бихевиоризма Дж.Миды, и в теориях структурного функционализма Т.Парсонса и Р.Мертона, и в этнометодологии Г.Гарфинкеля и т.д.

Разница только в том, что одна модель социологии или социологических концептуальных связей содержит в себе идеологичность открыто, не маскируя ее, а другая — в скрытом, замаскированном виде. Но она, если присмотреться, все равно видна, ее не может скрыть даже густая пелена плюрализма и эклектики.

Кстати, либеральная идея скрыто лежит в основании и современной украинской социологии, доминирующего стиля социально-политического мышления социологов, как и других представителей обществоведения. Нельзя не признать, что нынешний тип массового социолога в Украине — уникальное явление, вряд ли когда-либо встречавшееся в национальных социологиях. Это — некий гибрид, отошедший или отходящий от образа бывшего советского социолога и еще не пришедший в полной мере к облику западного обществоведа, не достигший его общего уровня, хотя и равняющийся

на него. После исчезновения советского обществоведа, мастерски разгромленного в считанные годы гласности и перестройки новыми архидемократическими, но чрезмерно спекулятивными идеологами (он не пошел на диалог с последними), этот новый в Украине социолог отказался от предыдущей исследовательской практики, теории общества, методологии диалектического и исторического материализма (нынче ведет себя по отношению к ним либо нигилистически, либо критикански, либо, наконец, “беспамятно” — будто ни диалектического материализма, ни исторического материализма никогда не существовало) и пошел на выучку к западной социологии.

Он стал плюралистом. Но особым, далеко не полным, поскольку ориентируется преимущественно на позитивистскую модель социологии, которая уводит его от основоположного принципа социального познания — принципа отнесения к ценностям (данный принцип в украинской социологии открыто почти не используется). Оставшись исключительно на позициях “непонимающего” способа познания, он продолжает демонстрировать свою позитивистскую нейтральность в потемках нахлынувшего западного плюрализма. И это понятно: оказавшись весьма “плавающим” в теории и методологии, такой социолог может иметь у себя под ногами только небольшой островок опорной “земли” посреди бушующего моря плюральности и эклектики — либо эмпирический позитивизм, который дает возможность “нейтрально” описывать социальные реалии, либо концептуальные построения западных социологов, на которые так или иначе можно опираться в объяснении социальной реальности украинского общества.

II

Но возвратимся к обсуждаемой проблеме. Речь идет о том, что и принцип отнесения к фактам, и принцип отнесения к ценностям в своем раздельном применении порождают “частичного” социолога, тогда как процесс социального познания, сфокусированный через социологию, требует “полного”, “совокупного”, универсального исследователя (в конечном итоге — субъекта познания). С позиции этого процесса “частичный” социолог весьма недостаточен как исследователь, поскольку он односторонен, ограничен, не может целостно охватывать реальность, к тому же далеко не всегда понимает ее. Сама же социальная реальность не только объективна, но и субъективна, не только нейтральна, но и значима, то есть чрезвычайно многообразна и, так сказать, способна непосредственно задевать самого субъекта, его потребности, интересы. Ясно, что это “нейтрально-значимое” многообразие социального мира может быть более полно схвачено только с позиции единства двух характеризуемых принципов. Однако возможен ли подобного рода “совокупный”, универсальный социолог, соединяющий в исследовании эти противоположности социального познания? Не только возможен, но и необходим. История социологии знает социологов подобного типа. Это, например, и сам М.Вебер, но более всего — К.Маркс, соединивший в своем исследовании человеческой истории и общества принцип отнесения к фактам, принцип отнесения к ценностям и принцип отнесения к практике (потребностям преобразования общества) на базе диалектико-материалистической теории познания (в западной терминологии — эпистемологии) и разработанной им социальной технологии изменения общества.

В социологии Маркса уже был сознательно применен принцип понимания. Его доктрина материалистического понимания истории не только противостояла многочисленным концепциям идеалистического истолкования последней, но и обосновывала смысл и конкретный механизм совершенно иного, истинного и общезначимого объяснения исторического процесса. Кроме того, она содержала в себе социологический алгоритм практического (революционного) вторжения в этот процесс, подчинения его целям освободительной миссии рабочего класса. Отсюда непосредственно вытекал теоретический принцип отнесения знания к ценностям (интересам) пролетариата, которые (не только в силу исторической роли этого класса, но и по той причине, что это производительный, трудящийся класс, который, придя к власти и подавив эксплуататоров, ни над кем не намерен и не собирается господствовать) в перспективе обнаруживали свою общечеловеческую сущность и значимость, совпадая с “интересом” назревшей эпохи выхода за пределы капитализма как последнего эксплуататорского общественного строя.

Но знания, отнесенные к ценностям рабочего класса, превращались в его идеологию, а в социологии Маркса — в ценностный, то есть тоже идеологический, наукоподобный вид знания. Так его социология специфицировалась не только как наука, но и как идеология, поэтому видеть в ней “заангажированность идеологией” (в чем Маркса нередко обвиняют) вряд ли правомерно. Скорее всего, ее заангажировали интерпретаторы и последователи Маркса. Отсюда указанные обвинения следует считать либо претензиями не по адресу, либо выражением теоретического примитивизма в понимании Марксовой модели социологии. Последняя не заангажирована идеологией, а органически ее в себе содержит, точнее, есть производство идеологии, сама идеология (наряду, еще раз обратим внимание, с наукой и технологией). Вот почему Марксов метод понимания универсально охватывает реальность и наиболее отвечает ей, а социология Маркса заключает в себе целое учение об обществе, его истории, перспективах практического изменения и развития. Разумеется, это учение не свободно от определенных утопий, заблуждений, фантазий, иллюзий, но, как мы теперь знаем, ни социального познания, ни социальных учений без этих компонентов не бывает. Важно подчеркнуть другое: социальная эксперименталистика XX века апробировала это учение и в общем подтвердила его истинность (социалистический опыт СССР и других стран).

Итак, как социолог Маркс соединял в себе качества ученого, идеолога и социального технолога. Он не только фиксировал “нейтрально”-объективные свойства социальной реальности, но и понимал и истолковывал его с точки зрения особого общезначимого варианта практического преобразования в интересах исторически восходящего класса. Что касается принципа отнесения к фактам, то он у Маркса выступает прямым следствием и требованием диалектического метода. А.Шептулин, проанализировавший этот метод познания, выделил в его гносеолого-инструментальном содержании 12 принципов: принцип отражения, принцип активности, принцип всесторонности, принцип восхождения от единичного к общему и обратно (единство индукции и дедукции), принцип взаимосвязи качественных и количественных характеристик, принцип детерминизма, принцип историзма, принцип противоречия, принцип диалектического отрицания, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, принцип единства исторического и логического, принцип единства анализа и синтеза [7, с. 87–269]. По нашему мнению, все

эти принципы представляют собой инструментальные средства отнесения познавательного процесса и знания к фактам (объекту), они обеспечивают субъекту познания правила достижения объективной истины.

Принцип отнесения к практике у Маркса заключал в себе не только общеносеологический смысл — необходимость проверки знания практикой, но и технологический — превращение социального знания в технологию практического преобразования общества. Такой глубокий критик Маркса и марксизма, как К.Поппер, относя Маркса к так называемым “историцистам”, “историцистским оракулам”, тем не менее видел в нем социального технолога, хотя и признал, что Маркс на определенном этапе своего творчества “затормозил исследования в сфере социальной технологии”, и это уменьшило его влияние на дела в Европе, которые не стали развиваться в “направлении социализма неколлективистского типа” [8, с. 229]. Начиная с 70-х годов XIX века, Маркс и Энгельс допускали возможность и нереволуционной технологии социальных преобразований — реформистской, осуществляемой путем многочисленных демократических реформ.

Таким образом, в социологии Маркса было все необходимое для того, чтобы М.Вебер “извлек” из нее свой принцип отнесения к ценностям. Но по отношению к Марксу он поступил двояким образом. Считая Маркса выдающимся мыслителем и признавая возможность анализа социальных явлений, а также культурных процессов под углом зрения их экономической обусловленности, он вместе с тем не признал его материалистического понимания истории. Авторам журнала “Архив социальных наук и социальной практики” он, как редактор, дал четкую установку: “Так называемое “материалистическое понимание истории” в качестве “мировоззрения” или общего знаменателя в каузальном объяснении исторической действительности следует самым решительным образом отвергнуть; однако экономическое *толкование* истории является одной из наиболее существенных целей нашего журнала” [6, с. 166].

Какая позиция Вебера — методологическая или социально-классовая — больше всего сказалась на его отношении к Марксу, судить трудно. Несомненно, обе определяли это отношение, но подчеркивание Вебером мировоззренческой стороны материалистического учения Маркса об обществе, которую, по его мнению, следует отвергнуть, говорит как будто в пользу второй позиции. По-видимому, она больше всего обусловила неприятие Вебером материалистического понимания истории как доктрины, ведь последняя предполагает отнесение знания к ценностям рабочего класса, а не того класса, к которому принадлежал Вебер. С другой стороны, будучи неокантианцем, Вебер не принял принцип материалистического понимания истории и как методолог социального познания. Тут, кажется, можно говорить в пользу первой позиции. Впрочем, как бы мы ни интерпретировали отношение Вебера к Марксу, важно другое: отвергая его метод понимания, Вебер дал свою трактовку этого метода. Сформулировав, в частности, принципы отнесения к ценностям и свободы от оценок, он запретил проникновение в социологическое знание субъективного элемента, отдав дань позитивизму.

Однако запрет не помог, поскольку сам метод понимания, против воли Вебера, открывал путь к познанию субъективной реальности. Идя этим путем, социология после Вебера не избежала внедрения в свое знание совершенно не научного с позиции классической науки субъективного компонента, относимого к психологическим состояниям сознания Я. Другими

словами, в социологии должен был появиться еще и принцип отнесения знания к субъективной реальности, который тоже лег в ее основания как социальной науки, что с позиции, например, физики или позитивистского идеала недопустимо. Объяснение простое: мол, социология может изучать субъективное, но только объективными методами. Последнее должно находиться за пределами субъекта познания и самой социологии. Однако оказалось, что социология способна изучать субъективное и объективно, и субъективно, реконструируя его и тем самым внося его в свое знание прежде всего в виде интерпретативного образа. Для этого она должна проникнуть в интересующую реальность, “распределенную” между всеми взаимодействующими индивидами, и тоже “распределить” ее и на себя, чтобы охватить своими познавательными средствами. Но механизм изучения субъективной реальности сложный, он предполагает использование как объективных, так и субъективных методов фиксации ее явлений и процессов и даже конструирования последних [9].

Его применяет феноменологическая ветвь социологии, изучающая повседневный мир людей. Ее творец — социолог-феноменолог — является не только наблюдателем ситуаций взаимодействия акторов, но и актором внутри социального мира. “Именно это показывает, — подчеркивал А.Шюц, — почему субъективная точка зрения должна быть принята в социальных науках” [10, с. 110]. Почему же? Потому, что социолог-феноменолог как актер обладает свойством непосредственного переживания социального мира в своем опыте. Это дает ему возможность субъективно понимать смысл действий других. При этом он полагает существование общей системы координат для себя и этих других, взаимодействие которых является системой их взаимных отношений, строящихся путем субъективных интерпретаций акторами поведения друг друга. Социолог исходит из уверенности, что смысл поведения наблюдаемых им акторов для последних и для него самого один и тот же (в этой уверенности он и остается до конца, если нет доказательств обратного). Далее ученый может строить идеальный тип подобного взаимодействия, модель актора, его “потому-что” и “для-того-чтоб” мотивов, сознания и т.д. Затем он может подводить под эти модели наблюдаемые реальные взаимодействия акторов. “Так он строит, — заключал Шюц, — модель социального мира, или, вернее, ее реконструирует. Она содержит все релевантные элементы социального события, выбранного для дальнейшего изучения”. Но главное состоит в том, что эта модель, по мнению Шюца, “превосходно сочетается с постулатом субъективной точки зрения” [10, с. 112]. Без этой последней интерпретатор не сможет интуитивно схватывать и непосредственно понимать смысл поведения взаимодействующих акторов, а также субъективно контролировать реконструкцию их интересующего мира средствами объективного познания.

Да, в феноменологическом исследовании дильтеевский принцип понимания через совпадающее чувствование, переживание в опыте тоже активно задействуется. Он предполагает неотъемлемость субъективного компонента в знании интересующей реальности. Тут возникает вопрос о возможности субъективной истины, о ее признании. Его в общем-то ставит феноменологическая социология, настаивающая на необходимости в социальной науке субъективной точки зрения и доказывающая, что субъективная истина есть. Здесь нельзя не видеть логики: если есть или должна быть субъек-

активная точка зрения, то есть или должна быть и ее квалификация с точки зрения субъективной истины или лжи. Но сегодня, когда так сильна классическая традиция объективной истины, само выражение “субъективная истина” звучит абсурдно. И все же, что представляет собой эта истина? Субъективная истина — это соответствие субъективного знания реальности, но тоже субъективной. Признание наличия в социологии этой истины формально означает, что категория “объективная истина” наконец-то обретает свою релевантную противоположность.

Принцип отнесения знания к субъективной реальности, признание приемлемости в социологии субъективной точки зрения, а также субъективной истины делают ее настолько далекой от идеала классической науки, что ярлык “ненаука” или “антинаука” теперь уже приклеивается к социологии без труда. Правда, этот принцип касается только феноменологической социологии, но тем не менее он подтолкнул кое-кого из социологов требовать от ученых полного обновления и воссоздания обществоведения, которое можно назвать “пристрастным”. “Обществоведение должно признать, — заявляет, например, Иммануил Валлерстайн, — что наука не беспристрастна и не может таковой не быть, поскольку ученые — это члены общества, и они не свободны от него ни физически, ни интеллектуально. Обществоведение должно признать, что эмпиризм не может быть чистым, ибо он всегда предполагает некоторую априорность. Обществоведение должно признать, что наши истины не являются всеобщими и универсальными; что они, если вообще существуют, сложны, противоречивы и множественны. Обществоведение должно признать, что оно ищет не простую, а наиболее адекватную интерпретацию сложного. Обществоведение должно признать, что причина нашей заинтересованности в рациональном поведении заключается в том, что оно ведет к конечной [ценностно обусловленной] цели. Наконец, обществоведение должно признать, что рациональность основана на совместности политики и морали, а роль интеллектуалов заключается в том, чтобы выявлять стоящие перед нами исторические альтернативы” [11, с. 210].

Думается, этот комплекс долженствований, предъявляемый к обществоведению, касается и социологии, в структурах которой накопилось столько перемен, что она утрачивает знакомый традиционный облик. Нарастает состояние ее неопределенности, неохватности, раскиданности, увеличивающее количество теоретически и методологически блуждающих социологов, склонных к механической эклектике. Формируется массовое профессиональное заблуждение, основанное на этой эклектике, будто объективная истина имеет не органически целостный, а мозаичный характер (“плюрализм истин”, рассыпанных по ячейкам разделенного знания). Чрезмерная свобода дискурса обесценивает просеивающее решето, сквозь которое прорывается в социологию “тьма” примитивных мнений, засоряя ее ненужной или многократно повторяющейся информацией. Банки данных перегружаются, что затрудняет получение из них необходимых “выжимок”, немало неучтенной, неинтерпретированной информации остается за бортом. Словом, плюралистическую социологию начинают постепенно захлестывать стихийные процессы. Разобраться в них без надежного компаса сложно.

В этой ситуации возрастает потребность не только в новой систематизации, но и в идентификации социологии. С чем ее можно отождествлять, а от чего отличать? Если она наука, то почему ее обвиняют в “ненаучности” или в

“недонаучности”? Если она еще и нечто другое, то сколько профилей она в себе заключает и вообще может иметь? В этом отношении нужна четкая идентификационная картина социологии, но она невозможна без интенсивных исследований самой социологии. Как объект самопознания социология — словно расширяющаяся Вселенная, и нужно знать закономерности ее расширения, плюрализации и эклектизации, движущие пружины и механизмы этих процессов.

Так что же такое социология, которую одни обществоведы поругивают, другие — защищают и восхваляют, а третьи не берутся судить, пожимаемая плечами, когда приходится отвечать на этот вопрос, и которая способна осуществлять процесс познания на разных уровнях организации социальной реальности и, так сказать, в разных его диапазонах? Как вытекает из сказанного, она, с одной стороны, нечто меньшее, чем классическая наука, а с другой — нечто большее, чем неклассическая наука, точнее, с точки зрения основоположных принципов отнесения знания, социология есть интеллектуальная специализированная дисциплина, соединяющая в себе свойства социальной науки, ценностной идеологии, преобразовывающей социотехнологии и конструирующей социоинженерии. Она способна вырабатывать и обеспечивать общество научным, наукоподобным и технологическим, объективным и субъективным, точным и вероятностным знанием. Правда, обеспечить системное единство этих видов знания ей далеко не всегда удастся, поскольку сегодня в ней господствует “частичный” социолог, весьма ограниченный горизонтом своей односторонности и производящий плюралистически “разорванные” знания. “Разорванными”, одномерными являются и социальное мышление этого социолога, и видимый им социальный мир, и его профессионализм как социального исследователя. Главное, чего ему не хватает, — это диалектическая системность мышления, позволяющая отыскивать в постмодернистском “винегретном” плюрализме его сущностную целостность, фундаментальное основание, единство.

По-видимому, “частичный” социолог — это, скорее, промежуточная, исторически переходная модель подобного исследователя, которая тем быстрее начнет превращаться в прообраз, а затем и в образ универсального социолога, чем раньше специалисты (особенно теоретики и методологи) начнут видеть в постмодернистском плюрализме и эклектизме не их внешнюю “рассыпчатость”, а внутреннее единство, покоящееся на системе фундаментальных принципов социального познания. Только эта база может служить гарантией целостности социологии и уберечь ее от раскола на несоединимые куски.

Однако реально обеспечить органическую целостность социологии способен только универсальный социолог, потребность в котором возрастает по мере плюрализации и эклектизации социологии “частичным”, оторванным от социальных универсалий социологом. Универсальный социолог — это не сверхчеловек, не сверхсубъект познания, не сверхисследователь. Это — некий тип социолога, достигший такого уровня профессионализма и умственной подготовки, который позволяет превращать социологию в универсальную призму целостного, системного видения социальной реальности. Всесторонний социолог владеет всеми основными познавательными исследовательскими и социоинженерными технологиями в социологии, без которых невозможен ни полный охват исследовательским интересом социальной реальности, ни понимание ее, ни целостный портрет социологии как комплекс-

ной интеллектуальной дисциплины. Конечно, сегодня такого рода социолог — утопия, но, думается, в перспективе он неизбежно появится, превратится из прожективно постулируемого в реально действующего, работающего, относительно массового специалиста широкого профиля.

Поскольку социология аккумулирует в себе свойства науки, идеологии и технологии, то термины “социология” и “социологическая наука” в понятийно-содержательном отношении не тождественны. Второй фиксирует только особую сторону содержания первого, в связи в чем необходимо некоторое уточнение отношения между объектом и предметом социологической науки. Она не является непосредственно наукой об обществе как таковом. Социология есть наука о социальной реальности общества, о социуме, одним из способов выражения и оформления которого выступает конкретное общество. Следовательно, в онтологической плоскости объектом социологической науки как исследовательской дисциплины следует считать многообразный социальный мир данного общества, а не общество вообще. Но дело в том, что социальную реальность изучают и другие науки, поэтому социология в общем с ними объекте должна иметь “свою” область, не исследуемую этими науками. Это — предметная область, которую социология осваивает через включение (конечно же, постепенное) ее в свое научное поле, сферу научного интереса. Как именно включает? Через свой предмет, который в той же самой онтологической плоскости является элементом предметной области и, как видим, непосредственно в объект социологии не входит, а только посредством предметной области.

Получается довольно непростая схема опосредований между социологией и обществом (предмет — предметная область — объект (социальная реальность) — общество), в которой не следует отождествлять ни предметную область с объектом, ни предмет с предметной областью.

Объект социологии как исследовательской дисциплины — это социальная реальность, на которую направлен ее познавательный интерес и которую она изучает совместно с другими науками (может быть, точнее — в сообществе других наук). Предметная область — это все то в социальной реальности, что отличается известной “повернутостью”, “открытостью” к социологии, то есть включает в себе такую качественную (деятельностную, структурную, ценностную) специфику, которая может быть раскрыта и объяснена только средствами социологического исследования, социологической интерпретации полученных данных о ней. Можно и по-другому обозначить предметную область: это — часть объекта, не занятая предметными областями других наук, изучающих социальную реальность. Социология может изучать все то в социальной реальности и даже в обществе, в чем открывает признаки и свойства своей предметной области. Наконец, предмет социологии — часть, элемент предметной области, который она непосредственно исследует (изучает) в тот или иной момент, теми или иными познавательными средствами. Если предметная область охватывается научным полем социологии только по мере включения в него, то предмет всегда находится в этом поле, правда, всякий раз изменяясь вместе с исследуемой проблемой и тем фрагментом предметной области, на который эта проблема проектируется, из которого генетически вырастает.

Такова, на наш взгляд, общая картина связи между объектом и предметом социологии как науки в онтологическом “срезе”. Гносеологический же

подход требует анализа, калибровки понятий, организации их в группы, одни из которых должны отображать предмет, другие — предметную область, третьи — объект социологии, четвертые — общество в целом.

Остается только спросить: как же быть с обществом, которое позитивистская традиция и привычка квалифицирует как объект социологии? Оно для нее является запредельным объектом, то есть метаобъектом. Знать общество в целом социология может только совместно и посредством других наук, которые рисуют его совокупную, а социальная философия — общую картину. Со своей стороны социология, изучая социальную грань общества (через свой объект, предметную область, предмет), вносит и свою лепту знания в эту картину.

В заключение бегло коснемся таких вопросов, как функции социологии, ее резервы и их использование. Поскольку социология представляет собой единство науки, идеологии, социотехнологии и социоинженерии, то это требует выделения и обоснования значительно большего набора ее функций, чем это традиционно отображают в учебниках, когда характеризуют социологию как науку. К ним следует добавить по крайней мере такие фундаментальные функции: производство понимающих идеологий (идеологическая функция), преобразующих технологий (технологическая функция), теоретическое проектирование социальных объектов и реконструирование субъективной социальной реальности (инженерная функция).

Думается, смысл идеологической функции социологии понятен: она призвана поставлять обществу не только “нейтральную” информацию о нем (мол, вот ты какое, а понимай себя, как хочешь), но и алгоритмы понимания социального содержания этой информации на базе общезначимых ценностных идей. Сегодня идеологическая функция социологии в Украине остается, за исключением редких случаев, резервной, хотя подобную функцию исполняют, например, политология, публицистика, украиноведение, история, художественная литература, теология. Очевидно, по причине резервности идеологической функции социологии, принципа отнесения знания к ценностям сегодня наши социологи обходят стороной научную задачу определения социальной природы (социального типа) украинского общества.

Технологическая функция: способность социологии производить технологии, то есть знания о последовательности действий с объектом, манипуляций им с целью его преобразования. Эти знания дедуктивно выводятся из концептуальных знаний о социальном объекте, подлежащем практическому изменению, при этом создается технологический, а также целевой образ данного объекта, отображающий его состояние в будущем, после преобразования. И эта функция социологии сегодня резервная, несмотря на тотальное реформирование общества, к тому же с применением радикальных разрушительных социотехнологий и социоинженерий. Вследствие способности социологии производить технологическое знание в социальной методологии формируется представление о технологической истине как характеристике способа практической деятельности с объектом [12, с. 13]. Технологическая истина в социологии — это соответствие технологического знания реальным возможностям практического преобразования социального объекта.

Социоинженерная функция социологии многообразна и реализуется там, где социологическое знание способно выступить в качестве средства проектирования или конструирования социальной реальности.

Все эти функции социология способна исполнять не только в роли науки, но и как ненаука. Однако незатребованность этих ее функций в Украине свидетельствует о глубоком противоречии между функциональным потенциалом социологии и его практическим применением. Очевидно, ответственность за такую ситуацию лежит, в первую очередь, на социологах, которые недостаточно оповещают общество об этих функциях социологии, а также на реформаторе, который, игнорируя социотехнологическое обеспечение и социологическое обслуживание, необоснованной социальной эксперименталистикой калечит общество.

Итак, как единство науки и ненауки социология обладает необходимыми резервами своего развития, механизмами поддержания внутренней целостности. Система фундаментальных принципов социального познания, на которые опирается и которым подчиняется социология, трансформируя через себя их требования на свой объект, — вот что должно уберечь ее научный интеллект от углубляющегося гносеологического и методологического шизофренизма “частичного” социолога, безудержно творящего постмодернистский плюрализм и эклектику. Но, наверное, и самой социологии предстоит трудная работа по созданию средств самозащиты от этого шизофренизма: систематизация своего знания, модернизация собственной концепции, формирование социолога нового типа, приобретение адекватной идентичности (распознавание социологией самой себя на основе доминирующей ее позитивистской концепции уже не только является недостаточным, но и приводит к теоретической слепоте, заблуждениям), обеспечение более полной реализации своего функционального потенциала, поиск интегрирующих социально-ценностных и гносеологических идей и др. Задачи эти неблизкие, сложные, но перспективные. Они носят прогнозный характер, причем, кажется, не в направлении “вчерашнего дня”.

Литература

1. Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // Теоретическая социология. Антология : В 2-х ч. — М., 2002. — Ч. 2. — С. 245–280.
2. Гидденс Э. Устройство общества. — М., 2003.
3. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. — 1989. — № 10. — С. 3–18.
4. Дюркгейм Э. Предисловие // Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. — М., 1994. — С. 3–8.
5. Кезин А.В. Научность: эталоны, идеалы, критерии. — М., 1985.
6. Вебер М. “Объективность” социально-научного и социально-политического познания // Теоретическая социология : Антология : В 2-х ч. — М., 2000. — Ч.1. — С. 147–215.
7. Шентулин А. Диалектический метод познания. — М., 1983.
8. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги : В 2-х т. — М., 1992. — Т. 2.
9. См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995.
10. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. — М., 2003.
11. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М., 2003.
12. Социальные знания и социальные изменения. — М., 2001.